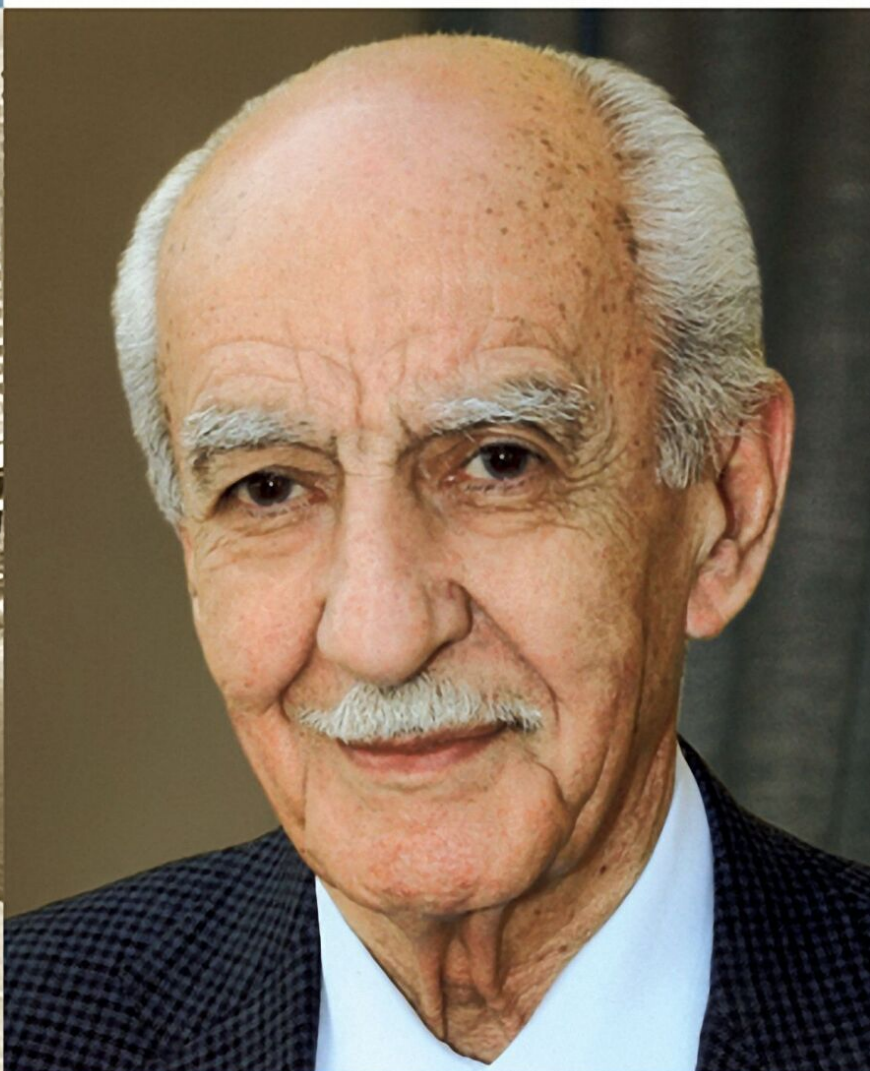

ВАРТАНЯН

Николай
Долгополов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей (Молодая гвардия)

Николай Долгополов
Вартанян

«ВЕБКНИГА»

2014

Долгополов Н. М.

Вартанян / Н. М. Долгополов — «ВЕБКНИГА», 2014 — (Жизнь замечательных людей (Молодая гвардия))

ISBN 978-5-235-04657-3

Геворк Андреевич Вартанян (1924–2012) – первый сотрудник нашей нелегальной разведки, удостоенный звания Героя Советского Союза в период работы за рубежом в мирное время. Вместе со своей супругой, Гоар Левоновной, он 45 лет отработал в «особых условиях» – вдали от родины, превратившись, согласно оперативной легенде, в удачливого и очень состоятельного коммерсанта. Разведчику пришлось бывать и работать примерно в ста странах мира – и в ряде из них его «контактами» были высшие руководители государств, спецслужб и вооруженных сил. До недавнего времени наши знания о работе Геворка Вартаняна ограничивались событиями обеспечения безопасности «Большой тройки» во время Тегеранской конференции 1943 года. Автору книги Николаю Долгополову удалось заметно расширить временные и географические рамки биографии легендарного разведчика. В этом ему помогли ученики, коллеги и начальники Геворка Андреевича, а также – Гоар Левоновна Вартанян...

ISBN 978-5-235-04657-3

© Долгополов Н. М., 2014

© ВЕБКНИГА, 2014

Содержание

От автора	6
Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Николай Долгополов

Вартанян

© Долгополов Н. М., 2014

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2014

От автора

Помню, всё помню

Это уже не первая моя книга о героях разведки, но поверьте, ни одна из них не давалась так трудно.

Объясню почему. Писать о Герое Советского Союза Геворке Андреевиче Вартаняне мне и радостно, и в то же время больно: были мы хорошо знакомы еще с ноября 2000-го, когда впервые разрешили написать о нем и Гоар Левоновне.

Тогда, в одном из не совсем открытых документальных фильмов о разведке, я увидел сидящего за столом президиума человека с Золотой Звездой на груди. Лица его не показали, но камера остановилась на руках. Я почему-то понял, что это руки хорошо поработавшего, немолодого и – абсолютно точно – восточного человека.

Однажды мне довелось общаться с тогдашним руководителем Службы внешней разведки России. И когда в конце нашей долгой беседы хозяин огромного кабинета задал дежурный вопрос, есть ли у меня какие-то просьбы или пожелания, я рискнул ответить совсем не традиционным «спасибо, никаких». Эпизод из фильма не давал мне покоя, и я выложил всё – и о Звезде, и о руках, и даже версию о том, что герой – откуда-то с Востока. Попросил, если возможно, о встрече. Директор никаких обещаний не давал, но сказал, что просьба услышана. Через пару лет я стоял на пороге квартиры Вартанянов в тихом московском закоулке.

Неудобно писать «мы подружились» – это было бы чересчур. Но общий язык был моментально найден. Возможно, свою роль тут сыграло случайное совпадение: свой диплом иняза я отрабатывал в Иране и два с половиной года с переменным успехом учил фарси, столь хорошо знакомый Вартаняну и мной не совсем до конца забытый.

Но это так, вершки. Притягивало иное. Желание собеседников рассказать, поведать. Встретившись и начав работу, ни Вартаняны, ни я еще не знали, до каких границ дозволена откровенность. И когда Гоар Левоновна начала: «Мы – Анита и Анри», мне сразу вспомнилась пара нелегалов из книги многолетнего начальника нелегальной разведки генерала Юрия Ивановича Дроздова, столько совершившая и уже не только в войну Отечественную, сколько в войну холодную. Впрочем, границу дозволенного нам довольно быстро закрыли на замок, ограничив рамки повествования Тегераном 1943-го и еще несколькими годами.

И все равно размах сделанного сидящими передо мной людьми понятен. Я находился в квартире пары, долгие годы спасавшей нашу страну от великих бед. И даже когда нам пришлось вернуться в сугубо ограниченный тегеранский период, интерес не пропал. Пусть так, пусть лишь это. Пока...

Вышел мой первый очерк, и его герои моментально отозвались благодарным звонком. Мы продолжали встречаться. С годами появлялись новые очерки, беседы. Кое-что всё же приоткрывалось. Детали, события, даже эпизоды, называемые в разведке «оперативными». Правда, никаких имен и названий стран. Однако мне, по свету поездившему, иногда чудилось, что узнаю и крутую горку в центре большого города, и опасный поворот в нескольких километрах от крошечного полусказочного княжества. Да и два-три лишь туманными мазками описанных Геворком Андреевичем персонажа виделись тоже узнаваемыми.

Однажды, накануне своего 85-летия, Вартанян преподнес подарок. Раздвинул временные границы. Никакой географии, и всё же ширина охвата, масштабы действия, развивавшегося по всему земному шару и в сотне государств больших и малых, раздвинулись. Хотя, подчеркиваю, не приобрели конкретных географических и временных рамок.

Давно заметил, что у семейных пар разведчиков-нелегалов как раз супруга, в отличие от подавляющего большинства представительниц прекрасного пола, склонна хранить молчание.

Вот и Гоар Левоновна изредка обращалась к мужу: «Жора, это ничего – можно?» На что Геворк Андреевич обычно утвердительно кивал головой.

Впрочем, о каких-то житейских, порой комичных случаях, не имеющих отношения к разведке, Гоар Левоновна сама рассказывала с удовольствием. Например, любила вспоминать, как на первых порах вживания в новый образ, еще в «промежуточной» стране, она надолго задержалась в парикмахерской. И, расслабившись под сушилкой для волос, в обществе таких же уже подстриженных, но еще не высушенных дам, увидела через большое окно чуть заскукавшего мужа и крикнула ему по-русски: «Жора, я сейчас!» Муж исчез, потом шутил, что на всякий случай искал пути к отходу. А Гоар Левоновна осмотрела ряд женщин, сидевших под хорошо памятными по тем временам здоровенными колпаками-фенами. Никто ничего не услышал. Пронесло!

Отдам должное поварскому искусству Гоар Левоновны. Она не просто готовила – творила блюда восточной кухни. Без всяких излишеств, с дисциплинированной умеренностью мы отведывали их с прекрасным коньяком, всегда из Еревана. Тосты хозяина и его юмор были незабываемы.

И еще мне очень нравилось в их квартире. Есть понятия уюта, ухоженности, вкуса, сияющей чистоты, поддерживаемой хозяйкой. Всё это относится и к жилищу Вартанянов. Всего именно в меру. Но сразу, с порога, ясно, что двое обитателей побывали «там». На стенах несколько хорошо выписанных картин с порой узнаваемыми видами. Некоторые приятные вещицы в столовой напоминают о странах, где жили нелегалы. Преобладают, я бы заметил, ранние восточные, иранские тона. Не думаю, что это конспирация. Просто из Ирана в Советский Союз выезжали официально, собирались спокойно.

Встречались мы и на некоторых торжественных праздниках, где Геворк Андреевич и Гоар Левоновна были в роли хозяев, именно хозяев, никаких не «свадебных генералов», а я – в роли приглашенного.

Тут должен отметить, что Геворк Андреевич выступал всегда исключительно твердо. Порой приходилось становиться свидетелем определенных дискуссий о роли необычной профессии. Вартанян всегда ратовал за нелегальную разведку – как «высший пилотаж» разведывательной деятельности. Деликатно и одновременно решительно приводил доводы, против которых возражать не решались. Не то что оппоненты, а скорее имеющие иную точку зрения замолкали. И здесь нелегал Вартанян тоже продолжал одерживать свои победы...

Он называл меня «Николай, мой биограф». Порой Геворк Андреевич просил меня рассказать журналистам тот или иной эпизод из их с Гоар Левоновной жизни, дать интервью о нем в документальном или телевизионном фильме. Развернулись двухсерийные съемки документально-художественного фильма о Тегеране-43 из цикла «Поединки», и, узнав, что в соавторах сценария и его «биограф», Вартанян искренне – я это чувствовал – обрадовался. Честно скажу, таким доверием я гордился – ведь это сам Геворк Андреевич возвел меня в ранг такого специалиста, которому можно верить.

Мы часто перезванивались, виделись. Я убеждал Геворка Андреевича, что надо работать над откровенной книгой о их жизни: потихоньку наговаривать ее на магнитофон, день ото дня добавляя новые эпизоды. Ведь кто знает, что в будущем, далеком или близком, будет можно и что нельзя. Он лишь посмеивался и молчал: только он знал о своей жизни всё. Наверное, понимал, что это знание останется лишь при нем.

Потом Гоар Левоновна долго лежала в госпитале – а ушел Геворк Андреевич... Гоар Левоновна говорила: «Поразительно, но Жора никогда не болел. Даже не помню, чтобы такое случилось. И лекарств не принимал. За все годы, что мы были “там”, – ни единой болезнью».

Потому этот уход на 88-м году был именно неожидан, непредсказуем. Да, занедужил, но такая «глыба», как он, виделась нерушимой. Но нет...

Потом Гоар Левоновна рассказывала мне, что в канун последнего Нового для Геворка Андреевича года врачи отпустили его из больницы домой. Кажется, они уже знали, что болезнь не преодолеть. Вартаняны скромно отметили приход 2012-го. Утром Гоар Левоновна увидела мужа, собирающего вещи. Предложила: «Жора, может, останешься дома? На денек или хотя бы до вечера?» Он сказал твердо: «Нет, надо в больницу, надо лечиться». Он верил и сражался.

Гоар Левоновна была рядом до последнего. Вот эпизод, над которым я долго думал: приводить ли его в книгу? Очень уж личное, интимное, невероятно тяжелое. Но решил, что надо, чтобы знали, как биться и хранить гордое достоинство до последнего вздоха.

Геворк Андреевич уже уходил. Наступали последние часы. И вдруг он глазами показал жене на тумбочку у кровати, попытался что-то произнести. Она, всегда понимавшая его с полувзгляда и полуслова, поняла и сейчас. Взяла зубной протез, вставила. Он знал, что всё заканчивается, и хотел даже тут, в этот самый последний момент выглядеть достойно. И еще хотел, чтобы в часы прощания люди видели его привычным, сильным, таким, каким он был всегда.

Очень горько. Понимаете? Уходила основа. Чего-то не стало хватать. Оставалась ли без него вера, которую он давал нам, его знавшим, естественно и, казалось, без усилий? Нет, не зияющая пустота, но потеря – и теперь, несколько лет спустя, понятно, – невосполнимая. Ему было много лет, которых никто не чувствовал: мы как-то встречали его с шофером, и тот, впервые увидев хорошо одетого, подтянутого, уверенно вышагивающего Вартаняна, вдруг выпалил: «Европеец. Да ему всего-то лет шестьдесят».

Его не стало. И усадить себя за книгу было тяжело. На моем компьютере я поместил фото улыбающегося Вартаняна. Есть же, должны быть люди, остающиеся для тебя примером. Мой покойный отец, работавший до последнего дня, теперь вот Геворк Андреевич...

Звонил Гоар Левоновне, спрашивал: «Как?» Она отвечала: «Сижу. Пью чай. Что я, когда ушел он...» Не хандра, но пустота. Нет героя, имеющего право поставить свою точку в любом споре. Интересно, как без него? Хотя нет – без него неинтересно.

И мне, которому повезло ближе, чем другим журналистам, писателям, историкам разведки, знать Героя Советского Союза Вартаняна, предоставлена честь поведать о нем правду. Да, это будет лишь часть правды, какая-то ее малая толика. Некоторые мои коллеги уже даже выразили свое сочувствие. Мол, все равно будешь крутиться вокруг «разрешенного» Тегерана. И нет смысла отвечать им: «Не только».

Я очень боюсь сфальшивить. Сделать что-то не так. Нарисовать «икону». Хотя в разведке он так и остался ею.

И еще важное – хочу, чтобы поняли. Даже то небольшое, о чем, бывшем после Тегерана, было разрешено рассказать при его жизни, это всего лишь остров в море неизвестности.

Я согласился с такими условиями. Прошу и вас, дорогой читатель, принять их. Мы с вами будем играть по правилам разведки.

Часть 1

Глава 1

Иран был на шпигован агентурой

В конце 1930-х, когда война была на пороге, в Тегеран стремились со всей Европы. Огромный персидский город казался той же нейтральной Швейцарией, только азиатской, до которой может и не докатиться Вторая мировая.

Правдами и неправдами добыв драгоценные въездные визы, здесь оседали в надежде переждать войну люди из разных стран, в основном, разумеется, богатые. Их не тревожили дороговизна и инфляция с невиданными – для Ирана и иранцев – ценами. Главное было пережить, выжить.

Целые кварталы заселяли теперь иностранцы. Среди них было много, очень много немцев. По некоторым свидетельствам – об этом говорил мне и Геворк Андреевич Вартанян, – тысяч двадцать.

20 тысяч из 750, населявших в то время Тегеран.

Да, среди немцев были и антифашисты, бежавшие от гитлеровской расправы, и евреи, спасавшиеся от неминуемого гетто. Естественно, перебирались сюда, лишь бы подальше от рейха, и просто осторожные немцы, надеявшиеся тихо переждать тяжелые времена. Однако в этом людском потоке было довольно легко затеряться и гитлеровским агентам, наводнившим стратегически важный район. Тем более что правивший страной Реза-шах Пехлеви чуть ли не открыто симпатизировал Германии.

Живя и работая в Иране уже в 1970-х, я пытался понять, что же лежало в основе такой привязанности. Откуда у верхов этой страны было подобное восхищенное восприятие фашизма, в принципе идеологически чуждого, никак не родственного этому региону с его многовековой культурой и религией? Пожилые иранцы, пережившие войну, с которыми мне довелось беседовать, отвечали единодушно. Во всем, по мнению собеседников, был виноват Реза-шах, обманутый Гитлером. Фюрер провозгласил неоспоримое мировое главенство арийской расы. И когда иранский диктатор причислил к «высшей расе» персов, то хитроумный Адольф позволил правителю, помешанному на этой идее, наслаждаться своей придумкой. На нее тогда клюнули многие: в Германии иранцы были объявлены «чистокровными арийцами».

И ведь даже десятилетия спустя у интеллигентных персов, совсем не германофилов, иногда невольно прорывалось: «Но так оно и есть! Не зря же наша держава именовалась Арией – ее действительно населяют арийцы». Ну как тут не вспомнить: «Истинный ариец. Характер нордический».

Может, и примитивно, но во многом объясняет ситуацию. Шаха поддержали, фашистская идеология захватила страну, точнее ее верхушку. Иранский исследователь Амини свидетельствовал: «Фашистские агенты находились среди министров, депутатов меджлиса (парламента. – Н. Д.), генералов, государственных чиновников, купцов и промышленников».

Плохо излечимая зараза осознания своего «национального превосходства» распространилась, проникала всё дальше и вглубь.

По данным советской разведки, огромный интерес немцев к Ирану проявился еще в 1937 году. Приезжавшие туда фашистские идеологи пытались помочь единомышленникам организовать юношеское движение, которое бы воспитывало молодежь в нацистском духе – нечто типа небезызвестного гитлерюгенда.

Рассекречено:

Вот строки из впервые публикуемого донесения советской разведки под названием «Разведывательная деятельность оси в Иране» от 1 ноября 1942 года:

«В середине 1938 года немцы стали значительно более активны и для политической деятельности стала применяться коммерческая ширма. В сентябре этого года число немцев, прошедших курсы специальной подготовки и обосновавшихся в Тегеране, значительно увеличилось с целью возбудить беспокойство».

Люди из Берлина добрались даже до неподвластных Реза-шаху далеких племен. Демонстрируя преклонение перед иранским союзником, немецкие агенты не чурались работы и с ними. А в пятидесяти национальных министерствах и крупных государственных учреждениях обосновались руководители, чьи взгляды были близки к нацистским. Некоторых из них уже завербовал абвер.

Поверенный в делах США в Иране Энгерт сообщал в Вашингтон: «Страх перед коммунизмом привел шаха к надежде, что только Гитлер может сейчас защитить Иран от большевистского вторжения».

Возможно, что страх перед большевизмом засел в будущем иранском диктаторе еще с тех далеких времен, когда он, неприметный офицер, служил в русской казачьей бригаде, которой командовал полковник Лохов. Бригада квартировала в иранской столице. Офицеры были казаки, рядовые – персы.

Реза-шах, как считают его современники-иранцы, говорил по-русски – по крайней мере, был вынужден сразу выучить необходимый минимум команд на чужом языке. Службу он начал с рядового. Одно это уже полностью разрушает миф, создававшийся в Иране. Народу пытались внушить, будто Реза Пехлеви – потомок древних персидских правителей, вершить судьбами соотечественников ему уготовано свыше. Однако дисциплинированность и трудолюбие позволили ему со временем дослужиться до полковника. По воспоминаниям современников, приход в Иран корпуса генерала Баратова он, в отличие от многих персов, воспринял спокойно: ведь началась Первая мировая война, и русские пришли, чтобы обеспечить безопасность своего соседа.

Но в 1917-м грянула революция, о которой Реза-шах вспоминал с ужасом. Наступили иные времена. И вот тогда, словно бы подхваченный непонятной волной, совсем не удалой казачий офицер-перс занял шахский трон. Он поклонялся, возможно, и не самому Гитлеру – скорее фашистским идеям. С давних пор его Персия сражалась с русскими и англичанами, так что Реза-шах поставил на Германию. Известный принцип: враги наших врагов – наши друзья.

Но, кстати, и с офицерами из корпуса генерала Баратова у шаха сохранились определенные отношения. Те из людей Баратова, кто предпочел после революции остаться в Тегеране, чувствовали себя здесь относительно вольготно. Некоторые вступили в белогвардейские отряды, совершавшие бандитские налеты на советскую территорию, а затем немедленно отходившие в Персию.

В предвоенные годы, как мы сказали, Тегеран был буквально наводнен немцами. Понятно, что невозможно было отличить всякого рода коммерсантов, посредников, предпринимателей крупных и мелких – от профессиональных шпионов, которых абвер и гестапо, пользуясь благоприятной для себя обстановкой, внедряли в страну. Хотя симпатии Реза-шаха были настолько явны, что немцы поначалу работали в Иране чуть ли не в открытую. Без опаски вербовали иранцев, выискивая нужных для себя источников среди самых-самых верхов.

С приближением Второй мировой войны военный альянс двух диктаторов – Реза-шаха и Гитлера – становился угрожающим. За три месяца 1940 года рейх поставил в Иран около трех тысяч пулеметов и артиллерийских орудий. Поставки продолжались и в начале 1941-го. В эти два года на Германию приходилось 45,5 процента товарооборота Ирана. Однако, вывозя в рейх сырье, страна мало что получала взамен. За исключением оружия, разумеется.

Зато немцы всё решительнее укреплялись в Иране. Фактически все железные дороги не только контролировались, но и управлялись ими. При этом даже паровозные бригады сплошь и рядом состояли из граждан рейха.

Иран усилиями немцев превратился в плацдарм для ведения любых нужных Берлину враждебных действий против СССР. Как знать, решился бы фюрер использовать Иран в качестве плацдарма для начала боевых действий – и противостоять гитлеровской агрессии на этом южном фланге было бы некому. Историки не отрицают возможности этого варианта.

В любом случае Гитлер отводил Ирану роль важнейшую. Страна была богата нефтью, через Персию лежал путь в Афганистан и дальше в Индию, куда фюрер намеревался двинуть армию, покорив Россию. Существовали также планы использовать Иран и для прохода немецкой армии напрямую в Советский Азербайджан, так богатый необходимой фюреру нефтью, – но это уже в ходе войны.

Между тем с нападением Гитлера на Советский Союз Персия превращалась в важнейший пункт и для союзных держав: через нее в СССР шли американские и английские поставки. Немалую иранскую территорию пересекали разветвленные железнодорожные магистрали, по которым и направлялись в Советский Союз стратегические поставки по ленд-лизу, жизненно необходимые для ведения войны.

Разумеется, немецкая разведка знала назубок, что и как перевозится – ведь многие гитлеровские разведчики и агенты работали под прикрытием транспортных контор, колесили по стране, безбоязненно проводили множество встреч с иранскими источниками. К тому же с территории соседней Персии в СССР постоянно забрасывались диверсанты.

Так что хотя еще в 1939 году, с началом Второй мировой, Иран сразу же заявил о своем нейтралитете, его реально не было и в помине.

25 июня 1941-го Германия потребовала от Ирана вступления в войну. Но шах колебался, мнения членов Высшего военного совета страны разделились, и большинством голосов всё же решили, что надо подождать.

Тогда Гитлер обратился с личным посланием к шаху, требуя, как он предполагал, не поддаваться нажиму Англии и СССР. В Тегеран тайно приезжал шеф абвера адмирал Канарис: его боевики приступили к подготовке переворота, чтобы сместить колеблющегося союзника.

Впрочем, немцы не торопились. Они собирались сначала добиться скорых и решающих побед на Восточном фронте, а вот уж потом взяться и за южное направление. Так что сроки переворота, назначенного поначалу на 22 августа 1941 года, постоянно переносились. К тому же в Берлине не теряли надежды, что Реза-шах вполне может «исправиться» и открыто перейти на сторону Германии, а потому упорно продолжали втягивать Иран в войну.

В общем, грозные события назревали. Остановить их, кажется, не помогали и трижды сделанные после нападения Гитлера на СССР официальные предупреждения советской стороны. Причем дважды ноты передавались одновременно с союзническими – английскими...

Наконец, ранним утром 25 августа 1941 года послы СССР и Великобритании вручили Реза-шаху ноты своих правительств. В соответствии со статьей 6-й Советско-иранского договора 1921 года, Советский Союз ввел в Иран свои воинские части. Решение было согласовано с Великобританией и США.

Успели! Ведь тогда же, 25 августа, только немного позже, германский посол, он же офицер СС фон Эттель, вручил Реза-шаху ноту Гитлера, за которой могло бы последовать фашистское вторжение. Но он опоздал, о чем Эттелю с огорчением поведал сам шах.

Советская группировка заняла северные провинции Ирана, английская – юго-западные. 17 сентября войска вошли в Тегеран. Призывов шаха к вооруженному сопротивлению не услышал никто. В СССР из произошедшего делать большого события не собирались. Лишь ТАСС без всяких подробностей известил, что «17 сентября советские войска вступили в Тегеран».

Потом, уже в конце 1942 года, в двух иранских портах разместился еще и незначительный контингент американцев.

Сопротивления иранцы фактически не оказывали. Так, было лишь несколько незначительных стычек с фанатичными приверженцами шаха. Англичане потеряли 22 человека убитыми, о советских потерях не сообщалось, хотя и здесь, по неофициальным данным, они были. Но столь незначительные, что можно констатировать: крупная войсковая операция прошла практически бескровно. После вступления в Иран советских и английских войск положение было взято под тотальный контроль союзников.

Согласно заключенному соглашению дипломатов Германии, Италии и Японии выслали из страны, а члены немецкой колонии должны были быть переданы союзникам.

Реза-шах собирался отправиться в Индию, чему воспротивились англичане, и ему пришлось обосноваться на острове Маврикий. Затем – перебираться в Южную Африку. Что ж, изгнание – удел многих диктаторов, и для большинства из них это наилучший вариант. Смененный с престола иранский диктатор скончался в Йоганнесбурге в 1944 году, в возрасте шестидесяти шести лет.

На престол вступил новый шах, Мохаммед Реза Пехлеви, которому суждено было пребывать у власти аж до февраля 1979 года. Сын был гораздо осторожнее в выборе политических друзей и союзников, однако впоследствии и он повторил судьбу отца: революция, бегство, изгнание. А затем – скорая кончина на чужбине.

Припоминаю, что иногда в Париже в конце 1980-х – начале 1990-х годов на дорожной трибуне теннисного стадиона «Роллан Гаррос» появлялась в сопровождении разодетой свиты пышная дама в огромнейшем шапо – вдова шаха. Видимо, с финансами у семьи сбежавшего монарха было всё в порядке.

И еще одно интересное, на мой взгляд, замечание. После исламской революции 1979 года статья 6-я Советско-иранского договора от 1921 года была в одностороннем порядке отменена новым режимом...

Вступивший на престол в сентябре 1941 года молодой шах Мохаммед Реза Пехлеви был вынужден проводить политику более гибкую, отношения между Ираном и союзническими державами налаживались. Теперь уже сомнений в том, что советско-иранская граница на замке, не возникало – никаких серьезных возможностей для высадки немцев поблизости от наших территорий не было.

Гитлеровская разведка прозевала подготовку крупной войсковой операции союзников. Никаких мер для недопущения ввода в Иран советских и английских войск принято не было. Наверняка тут сыграла свою роль и самонадеянность фашистов. Слишком уж уверовали они в свою победу, пройдя по Европе эдакой легкой поступью.

Но всё же гитлеровская разведка сумела сохранить в стране свою мощную агентуру. Не зря в советской ноте указывалось: «Германские агенты самым грубым и беззастенчивым образом превратили территорию Ирана в арену подготовки военного нападения на Советский Союз. Это требует от Советского правительства немедленного проведения в жизнь всех тех мероприятий, которое оно не только вправе, но и обязано предпринять в целях самозащиты».

Однако борьба разведок на территории древней Персии продолжалась до самого окончания войны. В ней участвовала и группа «Легкой кавалерии», возглавляемая героем нашей книги Геворком Вартаняном.

Немцы сопротивлялись упорно. Кто именно? Всё в той же августовской ноте 1941-го появился список, в котором прямым текстом назвали фамилии шпионов – и немецких, и их местных агентов. Затем еще этот список был пополнен. Любопытные в нем попадались имена: Шульц (или Шульце-Хольтус), Гамотта, Майер...

Рассекречено

Привожу документы, впервые предоставленные для этой книги Службой внешней разведки России. Из многостраничного, напечатанного мелким шрифтом списка, составленного разведкой, я выбрал лишь десяток немецких шпионов и их иранских агентов. Я не правил и не вносил поправок в написание имен, фамилий и в своеобразные формулировки.

А так как большинство «серьезных» агентов крутится вокруг трех имен – Гамотты, Шульце и Майера, то с них и начну.

«Майер Франц, немец.

Родился в Баварии. Настоящее имя – Рихард Август.

В сентябре 1939-го – феврале 1940 года работал в СССР под прикрытием сотрудника компании “Рейхсгрупп Индустрии”. Уже в Берлине в своем докладе о потенциале СССР критиковал утверждение русской белой эмиграции о назревании антибольшевистского восстания, утверждая, что “для этого нет никаких предпосылок”. Красную армию называл “сильной”, экономику страны считал “на подъеме”. С докладом были ознакомлены все нацистские министерства рейха и зарубежные миссии. У нацистских политиков доклад не вызвал доверия, дипломаты сочли его объективным.

В ноябре 1940 года прибыл в Иран вместе с Рамоном Гамоттой под видом служащего “Нувель Иран Экспресс”, где занимал официальную должность по импорту товаров из Германии в Иран.

Являлся главным представителем VI управления Главного управления имперской безопасности СС в Тегеране. По некоторым данным – штурмбаннфюрер СС. К моменту приезда в Иран – 37 лет.

Затем был послан со спецзаданием в Ирак: должен был склонить правительство Ирака возобновить дипломатические отношения с Германией и организовать снабжение иракской нефтью на особо выгодных условиях.

После этого бывал в Иране. В советской ноте иранскому правительству в августе 1941 года упоминался как агент. Бежал 15 сентября 1941 года и не был обнаружен.

Точных инструкций ни Майер, ни прибывший вместе с ним в Тегеран Гамотта Рамон от Берлина не получили. В сентябре 1941 года после неожиданного для немцев ввода советских войск остался без связи с Берлином. Скрывался, по некоторым данным, три месяца на тегеранском кладбище под видом могильщика. Выкрасил волосы хной.

Умело уходил от наружки, менял внешность. Появлялся в городе в форме офицера иранской армии. Много общался с теми местными жителями, кто симпатизировал фашизму, чему способствовало хорошее знание языка фарси. В апреле – мае 1942 года появился в Тегеране, где нашел убежище у иранских сторонников. Развернул активную работу против СССР и Англии, опираясь и разжигая националистические движения. Установил радиосвязь с Берлином. Пытался стать единоличным руководителем всех операций, успешно оттеснив при этом представителей абвера.

Участвовал в создании националистических организаций, партий, разрабатывал для них не только идеологические принципы, но и эмблему, похожую на свастику. Контролировал наличие оружия у иранских офицеров, готовых к совершению государственного переворота. Благодаря внедрению нашего агента “Хана” 167 иранских активистов были арестованы в 1943 году.

Словесный портрет Майера, объявленного в розыск, составлен тегеранской резидентурой: рост – высокий, лицо круглое, глаза голубые. Волосы длинные, зачесаны назад. От левого глаза до уха – шрам. Безымянный палец левой руки короткий, обрублен. На груди – след ожога. Вероятно, следы ранения. Хорошо играет в местную игру нарды...

Арестован англичанами в 1943 году до начала Тегеранской конференции. Характеризуется ими как “молодой, энергичный, истеричный, отважный человек. Типичный эсэсовец. Фанатик национал-социализма, считающий себя сверхчеловеком”».

От автора:

Тут вставлю признание, сделанное мне однажды Геворком Андреевичем Вартаняном:

– Мы две недели водили Майера. Искали и нашли. Но... Англичане вывели его уже в наручники. Вот вы спрашиваете о неудачах. Тогда у нас в глазах прямо слезы стояли. Есть информация, что британцы не стали держать Майера в Иране. Переправили в Индию. Далее о его судьбе ничего не известно. Возможно, использовался СИС в своих целях...

«Гамотта Рамон, австриец, офицер СД.

Приехал в Вену, где сделался руководящим австрийским нацистом и диверсантом. Был арестован австрийской полицией, но бежал в Германию. Полагают, что во время польской кампании (Гитлера. – Н. Д.) служил в восточно-прусской дивизии, после чего был переведен во Францию. Прибыл в Иран 8 ноября 1940 года с Францем Майером. Поступил на работу в компанию “Иран-экспресс”. Как говорят, эта фирма служила ширмой. Компаньоном стал Майер. Гамотта – один из активных агентов. Знал русский язык. Пытался посеять смуту среди южных племен.

Имел связи с русскими белогвардейцами в Иране, которым передавал инструкции генерала Витковского из Парижа. Несомненно, замешан в шпионской работе в Азербайджане и на Кавказе. Его имя упомянуто в ноте советского правительства иранскому правительству от 25 августа 1941 года. О нем упоминается как о главе германской шпионской организации в Иране.

Бежал из Ирана и был принят на борт японского судна “Хиемару”. Но когда корабль обыскали в Рангуне, на борту его уже не было.

В мае 1942 года прошел слух, будто его снова видели в Тегеране. 12 июня, по непроверенным данным, Гамотта выступал по радио из Берлина.

Гамотту знал Гиммлер, писавший о нем Гитлеру: “Хотя враги назначили большую цену за голову Гамотты и его жизнь неоднократно подвергалась опасности, он после излечения от малярии намерен вернуться в Иран”.

Должен был принять активное участие в операции “Длинный прыжок”. В августе 1943 года приземлился на парашюте близ Тегерана. Установил связь с Майером, вместе с которым начал подготовку к покушению на “Большую тройку”. Координировал деятельность второй группы сброшенных им на подмогу диверсантов, подготовленных Отто Скорцени.

Гамотте удалось бежать из Ирана. Скрывался в Австрии, где и был арестован уже после войны.

Рост – 165 сантиметров, глаза голубые, шатен, приятной наружности. Возраст – около 40 лет.

Шульц или Шульце-Хольтус Бертольд.

45 лет, офицер в чине майора абвера, урож. и житель Берлина.

Работал в краковском отделе гестапо. Выдержанный, замкнутый, привязан к семье. Фашист. Владеет русским языком, которому выучился, находясь в плену в России. Специалист по СССР. Один из руководителей германской шпионской сети.

Прибыл в Иран в начале 1941 года под именем Бруно Шульце. Представлялся экспертом по вопросам религии. Через несколько месяцев работал под прикрытием генерального консульства Германии в Тавризе. После вступления союзных войск в Иран скрылся в посольстве Швеции. Затем бежал оттуда, действовал в подполье. Обосновался в кашкайских племенах, вожди которых выступали против центрального правительства. Шульце-Хольтус умело раздувал неприязнь между племенами и Тегераном. Разделил сферы влияния с Майером. Эсэсовец ограничил абверовца в принятии важных решений. Тем не менее получал помощь от тогда еще не закрытого посольства Японии в Тегеране: ему были переданы пять радиостанций, и Шульце-Хольтус установил связь с Берлином».

От автора:

По некоторым сведениям, Шульце-Хольтус настолько хорошо знал язык, обычаи, религию, что даже «преобразился» в муллу и читал по Джамэ – на фарси, по пятницам, молитвы в Исфагане. И здесь фашист весьма напоминает современных представителей религиозных экстремистов. Он якобы призывал к джихаду, звал народ к восстанию, изгнанию неверных – то есть русских и англичан из Ирана. (Всё же мне, прожившему в Персии несколько лет, в подобное стопроцентное перевоплощение не верится. Европейцу просто невозможно настолько глубоко проникнуть в тонкости ислама. Знаю немало иранистов, блестяще владеющих фарси. Но и их «раскусить», понять, что язык пусть и хороший, но всё равно выученный, труда не составит не то что для контрразведчика, но и для любого иранца. А уж что-то написать – вообще мука, дающаяся европейцам с трудом. – *Н. Д.*)

Трения между ведомствами Канариса (абвер – военная разведка и контрразведка) и Шелленберга (VI Управление РСХА – внешняя разведка) осложнили деятельность двух направлений фашистской разведки. Личные отношения двух оставшихся в Иране руководителей этих служб не сложились, обоюдная неприязнь превращалась в непримиримое соперничество.

Шульце-Хольтус действовал под видом муллы. Отрастил бороду, покрасил ее хной (типичный прием для немецких диверсантов) и под таким прикрытием обосновался в кашкайском племени вождя Насыр-Хана. Пытался устроить диверсии на иранском юге. В расположение племени были сброшены парашютисты под командованием оберштурмфюрера СС Мартина Курмиса, уничтожившего еврейское гетто в Каунасе. В 1944 году Насыр-Хан, спасая собственную жизнь, выдал обоих немцев английским союзникам. Курмис покончил с собой, а майор Шульце-Хольтус предстал перед судом. Отбыв срок, взялся за воспоминания. Издано несколько его книг.

«Гастерфельд Отто, немец.

Активный член нацистской партии. В октябре 1941 г. стал сотрудником организации Гамотты – Майера. По сообщениям агентуры является человеком тупым и неловким.

Каарден, немец.

...Является агентом пропаганды и сотрудником гестапо. Связан с Гамоттой – Майером.

Хегедус Юлиана, она же мисс Люси, венгерка, 1917 г.р.

Артистка кабаре. Живет под именем мисс Люси. Считалось, что она – еврейка, но в действительности является христианкой. В течение нескольких лет работала на врага. Завербована в Стамбуле агентом Фридрихом Крафтом. В октябре 1941 г. работала по доставке писем немцам.

Ферза – полковник, иранец.

Офицер полицейского штаба в Тегеране. Находился в тесной связи с германской миссией, которую он посещал ночью.

Хегази, доктор, иранец.

Доктор гигиенической службы в муниципалитете Тегерана. Родственник по браку бывшей королевы (так в оригинале. – *Н. Д.*) Персии. По сообщениям от июля 1942 г. скрывал двух немцев в своем доме.

Ноджюа Шимемото, японец.

В августе 1940 г. прибыл в Тавриз якобы с целью изучения персидского языка, хотя половина населения этого города не говорит по-персидски. Завязал связи с кавказцами и был сильно заподозрен в шпионаже».

Список из людей разных стран и народов огромный, а руководителей, делают выводы чекисты, двое:

«Главнейшими германскими агентами в Иране несомненно являются Рамон Гамотта и Франц Майер. Оба они успели удрать во время оккупации. Был слух, что Майер был в Тегеране в апреле и мае 1942 г. Гамотта вел переговоры относительно возможности поднять восстание среди южных племен.

...Стало известно, что в Тегеране имеется радиопередатчик, который находится в постоянной связи со станцией на юго-западе. Полагают, что немцы применяют также другой радиопередатчик, установленный на землечерпалке в Каспийском море. В апреле 1940 г. посол и офицер СС Эттель имел радиопередатчик, установленный на пароходе. Передатчик служил для связи между пароходом и германской миссией. Сначала передатчик работал мало, однако когда поднялось восстание племен, он начал работать по 24 часа в сутки, и для работы на нем появился второй офицер Бушман, квалифицированный радист, позднее захваченный англичанами. Он следил за всеми перемещениями британских судов. На этой работе он сумел расшифровать коды, применяемые британскими коммерческими судами.

Бушман признался англичанам, что некий Кропф, старый немецкий резидент в Иране, ездил в марте и в апреле 1941 г. в Тегеран, откуда вернулся с грузом динамита. Должны были быть взорваны 5 кораблей. Из-за порчи груза диверсия не удалась.

Со временем союзникам стало известно о большом количестве нелегальных радиоустановок.

Можно с уверенностью сказать, что значительное число германских агентов, оставшихся в Иране после союзной оккупации, скрывалось иранцами часто с помощью полиции.

Двое из таких агентов Фридрих Кюммель и Эрвин Вейсрок попали в руки британских властей в Тегеране 20 июля 1942 г. Кюммель, который был членом партии с 1930 г. и прошел курс саботажа в 1935 г., работал с 3-м немцем по имени Шульц, который все еще скрывается, вероятно, в Тегеране.

Отчеты разведки от сентября 1942 г. показывают, что еще значительное количество немцев продолжает скрываться в горных деревушках северо-западнее Тегерана. Эти деревушки связаны между собой горными тропинками и в определенных пунктах на них выставляются постоянные посты наблюдателей "на стреме". Получено также сообщение, правда, еще непроверенное, о существовании 6 радиопередатчиков. Имеется много доказательств широкой разветвленной системы германской разведки в Иране и о плане, в котором участвуют некоторые видные иранцы, дружественного настроения к германской армии в случае ее прохода в Закавказье».

А вот еще один рассекреченный документ:

«Начальнику I Управления НКГБ СССР комиссару госбезопасности 3-го ранга тов. ФИТИНУ

1. Оперативный Отдел... НКВД по агентурной разработке сообщает, что по характеристике фигуранта разработки "Майер – один из умнейших людей, которых я когда-либо встречал, и он мне сказал, что останется на своем посту до последнего дыхания. В момент подхода союзных войск к Тегерану Майер и три его помощника спрятались в одном из небольших коттеджей за Тегераном, арендованном германским посольством. Майер с помощниками должны и сейчас находиться в Иране для выполнения разведывательных заданий. Майер остался там по приказу германского посла Эттель. Был снабжен аппаратом для подслушивания. Портативным передатчиком и автоматическим оружием».

По словам источника, дом, в котором спрятан Майер со своими помощниками, специально оборудован. Там происходили всякого рода совещания, и его можно назвать явочной квартирой для людей, связанных по разведывательно-шпионской работе с германским посольством.

(Агдонесение "Рихард" от 4.XI. с.г.)».

Агентурное дело 2198 «Голубые». Том 1-й:

«В беседе с источником М. сообщил, что в Тегеране существует группа иранских офицеров, ведущих работу в пользу Германии, причем эта группа ставит своей целью оказание всяческой помощи Германии в ее борьбе против СССР и Англии. Направляют работу группы по заявлению М. резиденты германской разведки Шульц и Майер, проживающие в Тегеране

нелегально... М. заявил, что группа ставит своей целью взрывы мостов, уничтожение подвижного состава, дальнейшее создание бандформирований и т. п.

...Мы имеем сигналы о существовании здесь нескольких офицерских организаций, ставящих своей задачей содействие немецким войскам при их приближении к Ирану и борьбу с союзническими войсками в тылу для их изгнания из Ирана или истребления.

От ряда источников имеем сведения о том, что руководство фашистской пропагандой в Иране и всей деятельностью пятой колонны идет от тайного разведывательного органа, возглавляемого якобы Майером и майором Шульце, скрывающимися в Иране. Англичане также имеют сведения по Шульцу, находящемуся в Тегеране и возглавляющему работу фашистской организации... Цели – усиление диверсионной деятельности на внутренних коммуникациях Ирана, усиливающийся саботаж на ж. д., крушения на линиях, по которым доставляется снабжение для СССР. Это фашистская немецкая организация, имеющая свою агентуру на всех иранских железных дорогах».

Из справки по агентурной разработке «Путч» за октябрь 1942 года:

«<...> Голубая партия и организация “Черная Пуговица” находятся под руководством скрывающихся в Иране немецких разведчиков Майера и Шульца».

Из меморандума I, составленного по отделу «Паром»:

«Шульц скрывается у офицера иранской полиции, местожительство и имя которого неизвестно... Майер и Шульц поддерживают регулярную связь с Германией путем посылки курьеров через турецкую границу».

Выписка из справки, находящейся в агентурном деле 2198 «Голубые». Том 2-й:

«В середине 1941 года агентурными мероприятиями I Управления в Иране в контакте с англичанами была выявлена разветвленная фашистская организация под названием “Миллион-Иран”, созданная германскими разведчиками в Иране Майером, Гамоттой и Шульце. Организация ставила перед собой задачу подготовки восстания для изгнания войск союзников из Ирана и проведения террористических актов. Кроме того, организация проводила по заданию германской разведки шпионскую и диверсионную работу.

Примерно за три месяца до нападения на Советский Союз в Тавризе на должности секретаря немецкого консульства работал видный немецкий разведчик Бертольд Шульц, который так же, как Майер и Гамотта, к моменту вступления советских войск в Иран оказался неподготовленным».

Сообщение в Государственный Комитет Обороны (агентурное дело 2198 «Голубые». Том 2-й):

«Нелегально оставшиеся в Иране германские разведчики Франц Майер и Бертольд Шульц создали подпольную фашистскую организацию “Миллион-Иран” и организовали в районе Исфагана восстание племен кашкайцев. Причем Майер был недавно установлен и арестован англичанами. А Шульц укрылся в резиденции вождя кашкайцев Насыр-Хана Кашкай, участие которого в немецком заговоре было доказано.

Майор Бертольд Шульц также имел переписку с Майером. Он скрывался у кашкайцев вместе с Константином Козановским.

Целью Шульца являлось создание на юге Персии государства в государстве, которое было бы под контролем Германии.

Документы показывают, что Шульц был непосредственно связан с германским верховным командованием (оберкоманда дер Вермахт).

Можно сделать вывод, что шульцевская идея об организации контролируемого немцами племенного государства в Персии с задачей заставить союзников держать там войска и нападении на установки союзников была принята Верховным германским командованием».

А вот уже и первые шаги, имеющие отношение к «Длинному прыжку»:

«<...> Примерно в средних числах мая 1943 г. немецкое командование выбросило на самолете в Иран в 75 км южнее Тегерана группу парашютистов, состоящую из специалистов-диверсантов, часть которых направилась в расположение бахтиарского и кашкайского племен для работы под руководством Шульца, а часть осталась в Тегеране под руководством Майера...

Одновременно с высадкой парашютистов Шульц поднял восстание племен, угрожая захвату Исфагана.

В результате восстания иранская армия понесла значительные потери в сражениях при Семируне и Фирузабаже, занятых кашкайцами».

Ясно, что сражение германской разведки с разведками союзнических держав продолжалось беспрестанно. Подготовленная фашистами операция «Длинный прыжок» превратилась в пик этой непрекращающейся битвы.

Теперь мы знаем, кто противостоял нам на той, немецкой, стороне. Пришло время рассказать и о наших чекистах, сотрудниках советской внешней разведки.

Глава 2

Тегеран-43 – только правда

Для широкой публики Герой Советского Союза Геворк Андреевич Вартанян и его жена, кавалер ордена Красного Знамени Гоар Левоновна, известны лишь благодаря подвигам, совершенным в 1943 году в Тегеране.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.